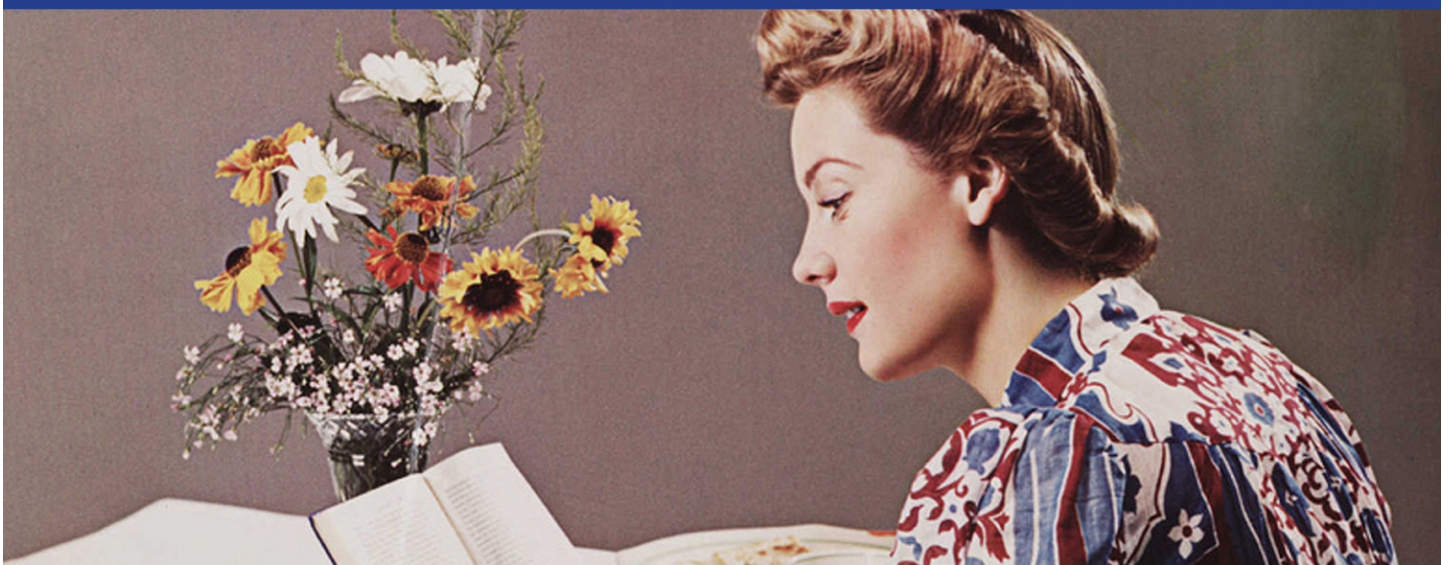

Галина Щербакова

Кто из вас генерал,
девочки?

ФТМ

Галина Щербакова

Кто из вас генерал, девочки?

«ФТМ»

1966–1974

Щербакова Г. Н.

Кто из вас генерал, девочки? / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,
1966–1974

© Щербакова Г. Н., 1966–1974

© ФТМ, 1966–1974

Галина Щербакова

Кто из вас генерал, девочки?

Мама написала: «Как хочешь, а Андрюшку хоть на три дня привези. Может, в последний раз...» Последний раз – это красное словцо. Мама всю свою жизнь пользуется им лихо. Но на этот раз я подчиняюсь. У нее весной был криз. И я привезу ей Андрюшку, хотя понимаю: уговорить семнадцатилетнего парня сразу после экзаменов на аттестат зрелости бросить прощальные «огоньки», «камельки», турпоходы будет непросто.

Мы спорили ровно час. Впрочем, «спорили» – не то слово. Это было взаимное обвинение в непонимании. «Почему так сразу? – шумел сын. – Можно ведь и потом?» – «А кто будет готовиться в вуз?» – «Когда ты говоришь „вуз“, бабушки для тебя уже не существует?..» И так далее в этом же духе. Потом он сказал: «Я сдаюсь на милость твоей безнадежности... Ты непробиваема...»

Взаимно непробиваемые, мы и поехали.

Мама была счастлива, но это ей не помешало сразу после праздничного завтрака произнести речь убойной художественной силы:

– Шубу забирай сразу после моей смерти. На отца не смотри. Некоторые старые дураки и в шестьдесят пять исхитряются жениться. Про одного даже «Неделя» писала. Но не в том смысле, вот, мол, посмотрите на него, дурака, люди добрые, а вроде это и хорошо...

Мама с презрением посмотрела на папу. А он – и не дряхлый, и не трясущийся – одряхлел и затрясся под ее взглядом: смотри, дескать, куда там мне жениться? Мне бы ложку до рта донести.

Мама осталась довольна обзором своего порабощенного и разрушенного государства и продолжала:

– Вот я и не хочу, чтоб в моей шубе...

Я сажусь в бессилии. Знаю, это только начало.

– Дом внуку. – Андрей смеется. – Ничего смешного. Приедешь сюда врачом. У нас хирурги на золоте едят. Терапевтам хуже. У них не такая результативная работа. Вот гинекологи тоже на золоте едят.

– Тогда я сюда, – соглашается Андрей. – В жизни на золоте не ел.

– Деда, старика беспомощного, не гони, – продолжает мама свой блистательный монолог. – Он заслуженный горняк и заслужил счастливую старость. Поселишь его в светлой комнате. – Отец начинает плакать. Столько лет прожил с мамой, но мамины метафоры воспринимает буквально.

– Ты живи, – успокаивает он ее, – живи.

– Нет такого лекарства, – с гордой удовлетворенностью говорит мама, – чтобы вылечить гипертонию. Так вот, – продолжает она. – Хоронить меня с певчими... Дед уже знает и согласен...

– Господи, мама, – говорю я, – при чем тут певчие? Ты ведь ни разу в церкви не была?

– Бабуля, хочешь я тебе сейчас спою, как певчий соловей? – предлагает Андрей. – Я много чего знаю... И жалобного тоже.

– А ты хоть и комсомолец, но чтоб в храм за мной вошел. Теперь с этим нестрого... Но если боишься, значок можешь снять...

– Очень боюсь, – говорит Андрей. – Я про это даже слушать боюсь.

– Хватит, мама, – говорю я. – У тебя, слава богу, сейчас 140 на 90. А у меня во время экзаменов было 150 на 100.

– Этого мне не говори, – сердится мама. – Чтоб в тридцать семь что-то болело? Значит, живешь неправильно.

Я машу рукой, куда там, мол, нам до правильной жизни.

– Траву надо пить, – говорит отец. – Суворов своих солдат травой лечил от всех болезней. Чтоб я, говорил он, портил свою армию вонючими немецкими лекарствами?

– Что мне нравится, – вступает Андрей, – так это слово «вонючие». Только так и надо убеждать в споре.

– А с ним никто не спорил, – отца давно волнует суворовская терапия, – тогда такой манеры – спорить – вообще не было...

– А я про что? – смеется Андрей. – Сказал полководец – и все пошли пастись...

– Не будешь ты врачом, – говорит мама. – Смеешься много. И вообще у тебя такая природа – будешь делать не то, что хочется...

Это в мое солнечное сплетение.

– Твоя мамочка тоже много чего хотела, а осела в учительницах.

– Она, бабуля, – защищает меня сын, – осела в хороших учительницах.

– А хорошим платят столько же, сколько плохим, – парирует мама.

– Нормально платят, – говорит Андрей.

Ну вот, у меня уже вырос союзник. И мама это поняла, посмотрела на нас на обоих, вздохнула и сказала:

– Двадцать лет тому назад я ее в университет провожала. Тоже конкурсы, страхи... Двадцать лет тому от этого же крыльца.

И тут я соображаю – именно от этого. В то лето его только-только поставили, новое, высокое, с фигурным козырьком. Доски вкусно пахли, но мама требовала, чтобы их скорей покрасили: струганные доски пахли ей свежими гробами. И крыльцо выкрасили в темно-зеленый цвет. Жуткий какой-то цвет, и сохли доски долго, и лежали поэтому на ступеньках фанерочки, на которые надо было ступать. Я так и уехала с этих фанерочек. И только сейчас о них вспомнила. Посмотрела, а от них до сих пор следы, блеклые квадратные пятна, замытые, затоптанные двадцатью зимами и двадцатью веснами. Добротной оказалась эта мрачная зеленая краска.

– Крыльцо так и не перекрашивали с тех пор, – затуманенно сказала я.

– Ну, вот еще! – возмутилась мама. – И не раз. Ты ж помнишь, сначала оно было зеленым, потом достали хороший цвет бордо, а три года как этим покрыли, салатным. Видишь, какой он жидкий...

И все-таки я видела следы прилипших фанерок. Я даже присела и провела пальцем по старому-старому зеленому квадрату. И у меня защемило сердце. Оказывается, тут все время оставалась моя молодость, проступая через все цвета и покрытия. И если есть квадрат на струганой доске, то где-то здесь, рядом, есть и я, которой семнадцать и которая скачет по прилипшим к краске фанеркам. Стоит только протянуть руку...

– Что с тобой, мама? – спросил Андрей.

– Ничего, – сказала я. – Хочешь, покажу тебе школу, где я училась?

Андрей сделал круглые глаза и захлопал ресницами.

– Школа есть типовое здание, – сказал он.

– Сходи с матерью, – голос у моей мамы строгий, – посмотри, где она училась.

Андрей похлопал глазами на маму.

– Не надо, – сказала я. – Он мне не нужен. Я сама пойду погуляю.

– Не заблудись, – сказала мама. – У нас большое строительство.

– Ты уверена, – спросил Андрей, – что тебе это надо?

Ах, вот, мой милый сын, думаю я, когда мы на самом деле не понимаем друг друга! Я ведь иду погулять в жизнь, в которой тебя нет. А раз тебя нет – тебя нельзя брать в расчет. Разве не так, малыш? Я сделала им рукой – и пошла. Видно, было на моем лице что-то эдакое, раз сын догнал меня у калитки и сказал: «В конце концов для общего развития я могу посмотреть, как

разросся этот могучий шахтерский центр за годы пятилеток...» Дурак ты, дурак, мой сыночек. Я показала ему язык и ушла.

Я перескакивала с кочки на кочку, но даже если бы техническая революция прошла по моей окраине тротуарами и бетонками, я все равно бы нащупала под ними свои собственные следы, по которым только и могла сейчас идти. Я знала, что за первым же поворотом мне под ноги бросится рыжая одноглазая собака Розка, она будет остервенело лаять, кружить вокруг моих босых ног, а ее хозяйка, старенькая бабка Воробыха, будет кричать на нее: «Кыш, проклятая Розка! Отдам тебя собачникам на мыло». И я махнула рукой своей Воробыхе: «Ничего, мол, страшного. Розка пугает, потому что сама боится... В конце концов, мы все с двумя глазами, а она-то с одним...» Потом я перепрыгивала через какой-то забор, которого не должно было быть на моей дороге, и парень, возившийся с мотоциклом, остолбенело проводил меня глазами, когда я прошла по свежевспаханной грядке, перешагнула через лежащее колесо его мотоцикла, а потом вышла из чужого двора, как из своего. Он смотрел мне вслед, и челюсть у него висела растерянно и глупо. Потом я слышала, как он закричал: «Валя! Валя!» Сейчас он будет рассказывать некоей Вале про прыгающую через забор тетку, а Валя проницательно скажет: «А ну дыхни!»

Потом я остановилась. Здесь всегда был пустырь, потому что смыкались две коварные балки, естественно используемые как место для всеобщей свалки. Память меня не подвела, я вышла точно к тому месту, где должна была начинаться тропинка, она бы меня и вывела через балки к школе. Но балок не было. Была площадь, уложенная красивыми бетонными прямоугольниками, между которыми пробивалась зелень. И бил фонтан подсвеченными струями. И родители – суббота! – фотографировали малышкой на фоне этих самых струй. И дома стояли вокруг новые, те самые дома, о которых мне мама столько писала. Наш городок разбросан. Он состоит из пяти маленьких поселков, и каждый тяготеет к своему сердцу – шахте. В мое время всеобщим центром была школа, а еще разрушенный дворец и наш клуб, бывшая фабрика-кухня. Потом мама писала: «У нас такой теперь центр». В мои приезды мне норовили все это показать. Я упиралась. Почему, это целая история. И о ней потом. Я приезжала в огороженный высоким забором двор и замирала там на время своего оплачиваемого отпуска. Три-четыре раза под маминым напором я соглашалась хотя бы на автомобильную экскурсию. Отец, беспрестанно трубя сигналом, потому что шофер он трусливый, провозил меня по тем местам, где была хорошая дорога. «А вот это новый райсовет...», «А это музыкальная семилетка...», «Смотри, какая у нас красивая фельдшерско-акушерская школа». Город разрастался, менялся, неизменным оставался старый, разрушенный немцами Дворец культуры, но проехать к нему было нельзя, и мне просто сообщали: «Все еще стоит». От прогулок оставался в ушах автомобильный непрерывный сигнал.

А вот теперь собственными ногами я уперлась в этот фонтан, и он так бил, так переливался, что, не будь мне в этот момент семнадцать, я бы растерянно повернула назад, потому что моя тропинка дальше никуда не вела... Но мне было семнадцать, я окончательно поняла это, когда так лихо перемахнула через забор. Поэтому сейчас сделала только один шаг назад, назад от бетонной плиты, встала на цыпочки и увидела, что моя школа стоит на месте, просто два этажа, как правило, не видно за пятью, но я ее увидела, она краснела кирпичным боком между новыми домами, а раз была школа, то, значит, была и тропинка, по которой я могла к ней пройти... Тропинка проходила прямо по центру фонтана, по распахнутому горлу рыбы, выплевывающей цветастую воду.

Я присела на каменный фонтанный бордюр, как тысячу раз садилась на теплый травянистый балочный склон. Я спросила себя, чего мне хочется, неожиданно семнадцатилетней? Танцевать? Петь? Целоваться?

Три дня тому назад я чуть не до обморока плясала на выпускном вечере у Андрея. Я трясла плечами, руками, вывинчивала ноги в коленях, в общем, старалась чему-то там соот-

ветствовать. На меня нашло. Честно скажу, я раньше никогда не танцевала все эти шейки-мейки. В компании, в которые попадала, всегда почему-то танцевали в первой танцпаузе вальс, а в последней барыню, с выходом и салфеткой, вместо батистового платочка. А я вообще старалась не танцевать. У меня комплекс лишнего веса. Это глупо, ведь 48 килограммов, какие были в десятом, уже никогда не вернуться. Короче – при вальсе я боюсь смахнуть что-то хрупкое, а салфетка меня оскорбляет эстетически. А тут, у Андрея, я разошлась, и меня ничего не оскорбляло. «Идите вы к черту, – вежливо сказала я своим коллегам, – я, может, этого вечера всю жизнь ждала». Но я, конечно, не ждала. Просто на меня нашло. И я пошла выплясывать неизвестные мне танцы. Ничего страшного. Это вам не падекатр или падеспань, где нужны какие-то правила. Здесь же требуется только душевное состояние. Так вот у меня оно было. Я ни разу тогда не вспомнила, каким был выпускной вечер у меня. Не было ни одного признака, могущего вызвать воспоминания. И музыка не та, и девчонки – одни с чуть прикрытыми попками, а другие в балахонах по щиколотку. И все такие уверенные в себе. Под какую-то синкопу я подумала, что двадцать лет – это двадцать лет. Это много, граждане трясущиеся...

А тут, на бордюре, я была как бы вне времени... Или как на высоком шпиле... Мне и двадцать лет тому виделось, и даже двадцать лет после.

Так вот двадцать лет тому...

...Отчаянная Ритка, стреляя налево и направо своими фантастическими глазами, стащила с главного стола бутылку неизвестного – этикетка оторвалась – вина, и «наша четверка», закрыв дверь ножкой стула, аккуратно выдула его, произнося всякие глупые и высокопарные тосты. Пили за вечную дружбу. За то, чтоб исполнились мечты и мы поступили в институты, за верность нашим идеалам, за «умри, но не дай поцелуя без любви» и прочее. Тостов было много, вина мало, охмелели мы в два счета и сидели разомлевшие за своими партами – Лелька и Ритка впереди, а я и Нелка за ними. Мы задрали на спинку парты свои выпускные креп-жоржетовые платья и пели тонкими голосами модную тогда песню «Все мечты сбываются, товарищ». Я и сейчас слышу эту песню здесь, на фонтане – на свалке на бордюре, – на балочном склоне... «Если только сильно пожелаешь, если только захотеть, если только не робеть...» И так далее. Бодрая песня начала пятидесятых годов – не робеть, не робеть, не робеть... Как могла я это вспомнить на Андрюшкином вечере? Среди моих незакомплексованных учеников? Разве им нужно рефреном это – не робеть? Разве они будут запираются ножкой стула от кого бы то ни было? Они и в жизни, как в своем освобожденном от правил и канонов танце, свободны и раскованны.

– Лина Николаевна! Не напрягайтесь! И ни на кого не смотрите. Все равно как держать руки! – Это меня учит троечница-пигалица, похожая на сделанного из электротехнических отходов жука. Это из-за худобы и наклеенных негнущихся ресниц. Ей их подарил дедушка, советник нашего торгпредства в Париже. Сегодня она – наконец! – их открыто напялила. Шик! Блеск! Ах, как она уверенно и вальяжно вскидывает свои худенькие лапки-крылышки. – Не напрягайтесь, Лина Николаевна, не напрягайтесь! Здесь это не полагается!

...Так чего я хочу сейчас? Пойти в школу и подняться в свой класс? И устроить себе самой традиционный розовский досмотр? Нет, нет, нет. Никаких досмотров! Будем без суеты и без суда идти по проступающим квадратам. Я знаю, чего сейчас больше всего хочу: я хочу невозможного. Увидеть нашу «четверку». Мы, пожалуй, не виделись уже лет десять. Последний раз – очень хорошо помню – встретились в очереди за босоножками без задников. И потом вместе шли с коробками из магазина... И говорили о преимуществах танкетки перед каблучком. И о том, что дефицит легче достать в глубокой дыре. Хотя теперь все уже умные. И тут знают, что к чему. Содержательно поговорили. Будто не было между нами трепетной дружбы, с тайнами и клятвами, а так – барахольско-вещевое единство: а это почему? А это? А это где достала? Расходились быстро, а Ритка кричала: «Девочки, девочки! Куда же вы?» Но мы уходили в свои жизни, и дороги у нас были разные, хоть и шли мы в одинаковых босоножках

шахтинской обувной фабрики. Цена – четырнадцать рублей пятнадцать копеек. Даже коробку помню. Грязно-голубую, с гнутыми краями. Час назад я понятия не имела, что это знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.